

ТОМАС АЛЬБИ появился на свет в последнем плавающем доме.

К моменту его рождения ювенильная вода уже давно научила людей разговаривать, и они говорили без усталости, отваяваясь на напряжённые паузы, только когда обученные перелётными птицами летописцы оглашали свежие протоколы важных разговоров — то есть таких, которые вызывали у людей чувство, будто им удалось договориться. Впрочем, пока протокол зачитывали, это чувство всегда слабело, и заключительные подробности документа — «время», «место», «печати» и «подписи» — чаще всего тонули в новом всплеске устной речи.

Достижения того времени уже позволили отказаться от узелкового письма, жезлов вестников, насечек на камне и свинце, оттисков на воске и прочих трудоёмких технологий. В распоряжении хронистов были удобные писчие принадлежности: бумага и перья, так что по сравнению с эпохой расцвета плавающих домов работалось им намного легче. Впрочем, цех летописцев всегда отличался истерическим трудолюбием, и теперь, когда для составления протокола требовалось намного меньше времени и усилий, письмоводители работали днём и ночью, стараясь не пропустить ни одного важного разговора, что, в целом, заслуживало одобрения. Но от чрезмерного усердия острота их слуха снижалась, и на бумагу часто попадали абсолютно безнадёжные беседы, в лабиринтах которых легко теряли друг друга даже близкие люди. К тому же немилосердно эксплуатируемые перья от усталости роняли лишние знаки препинания — и неожиданные точки и запятые искажали смысл и без того дремучих разговоров. Такие протоколы никто не слушал молча — люди волновались, протестовали, спорили друг с другом и с писцами. Последние же, раздражённо прерывая декламацию, ссылались на разность восприятия и отсутствие правил отбора важных разговоров. Вся эта суэта поднимала сильный ветер. Главный архив — самый лёгкий из плавающих домов, начинал раскачиваться, и шелест страниц хранившихся в нём документов